

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/1998863X/86/5

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ПОВОРОТА MEMORY STUDIES

Андрей Александрович Линченко

*Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Липецкий филиал Финуниверситета), Липецк, Россия
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия, linchenko1@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается теоретическое значение транскультурного поворота memory studies для современной цивилизационной проблематики. Показано, что на место коллективных воспоминаний как средства конструирования контейнерной модели общества приходит осознание роли памяти как важного участника транскультурного и транснационального диалога и взаимобмена смыслами. Проведенное исследование показало, что методологическая оптика транскультурного поворота memory studies позволяет увидеть важную роль транскультурных воспоминаний в идентификационной, коммуникативной и когнитивной стратегиях формирования цивилизационного сознания. Несмотря на выявленные недостатки методологии транскультурного поворота, он явно указывает на необходимость дальнейшей актуализации элементов глобального и универсального в развитии современных цивилизационных представлений и форм цивилизационной самоидентификации.

Ключевые слова: цивилизационное сознание, цивилизационная самоидентификация, транскультурный поворот, транскультурные воспоминания, исследования памяти, коллективный цивилизационный опыт

Благодарности: статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»)

Для цитирования: Линченко А.А. Стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте транскультурного поворота memory studies // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 50–66. doi: 10.17223/1998863X/86/5

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

STRATEGIES OF FORMING CIVILIZATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF TRANSCULTURAL MEMORY STUDIES

Andrei A. Linchenko

*Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lipetsk, Russian Federation*

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
linchenko1@mail.ru*

Abstract. This article reveals the theoretical significance of the transcultural turn of memory studies for modern civilizational studies. Based on the analysis of modern civilizational studies, it is shown that civilizational studies are rapidly moving away from the images of closed, autonomous and self-sufficient supranational communities, as well as attempts at their strict typology, and are moving towards an analysis of civilizational and other forms of collective self-identification. On this path, an important milestone is the critical analysis of the language of civilizational studies itself and the transition from macrohistorical interpretations of the concept of “civilization” to sociological interpretations focused on the transparency of borders and the broad possibilities of cultural exchanges and mutual influences in the process of forming civilizational consciousness. No less important in this regard is the transition to the logic of ternary, which is an attempt to move away from the binaristic thinking of “We – They”. It is shown that collective memories as a means of constructing a container model of society are being replaced by an awareness of the role of memory as an important participant in transcultural and transnational dialogue and exchange of meanings. In this regard, the transformation of memory studies and the growing interest in the transboundary dynamics of collective memory can become an important driver for the further development of civilizational studies. The study showed that the methodological optics of the transcultural turn of memory studies allows us to see the important role of transcultural memories in the identification, communicative and cognitive strategies of forming civilizational consciousness. It was revealed that historical self-identification, even in the context of isolationist projects, is forced to rely on images of the past from other cultures, borrowing them for a more detailed positioning of one’s own values. The transboundary movement of the mnemonic archive is more significant in cases where the images of the past of other cultures themselves turn out to be a source of self-identification. In the communicative strategy, the influence of the migration of mnemonic archives is not only an additional repertoire of memories, on the basis of which the image of the Other is formed, but also turns out to be a source of critical re-evaluation of one’s own historical experience. In comparison with the identification strategy, the role of memorial activism within the framework of the communicative strategy comes to the fore, since for communication with the Other, not only the content of other people’s memories is important, but the act of communication itself. In the case of the cognitive strategy, the transboundary mnemonic archive turns into an object of knowledge and a historical source, and the actors of transcultural memories are able to launch international discussions regarding the strengths and weaknesses of civilizational consciousness. Despite the identified shortcomings of the methodology of the transcultural turn, it clearly shows the need for further actualization of elements of the global and universal in the development of modern civilizational ideas and forms of civilizational self-identification.

Keywords: civilizational consciousness, civilizational self-identification, transcultural turn, transcultural memories, memory studies, collective civilizational experience

Acknowledgments: The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and

Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2025-0002 “The cultural and value aspect of Russia’s civilizational positioning: images of the past and current challenges”).

For citation: Linchenko, A.A. (2025) Strategies of forming civilizational consciousness in the context of transcultural memory studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 50–66. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/5

Обострение внешнеполитических отношений между Россией, Евросоюзом и США, а также между США и Китаем вновь вывели на передний план общественных обсуждений тему взаимодействия/противостояния цивилизаций, культурных миров и иных вариантов наднациональных общностей. В научной плоскости этому соответствовал своеобразный ренессанс цивилизационной проблематики, которая в российских условиях, по мнению И.Н. Ионова, на протяжении последних двух десятилетий «развивается вне постколониального дискурса, воспроизводит имперские, колониальные дихотомии типа „варварство“ – цивилизация» [1. С. 495], а также часто оказывается в плену «родовых пороков» классических цивилизационных представлений (метафизичность, субстанциализм, презентизм как проявление методологического нарциссизма) [2. С. 58]. Не менее важен еще один вывод, сделанный в монографии российского исследователя, где подводятся итоги многолетней эволюции цивилизационной проблематики в отечественной и мировой науке: «...в условиях размывания утопической основы макроисторическое знание стало постепенно деградировать. Центр внимания переместился от представления о системности локальных цивилизаций как целого на их границы, в зоны их взаимодействия, а затем в область сферы цивилизационных и других форм коллективной самоидентификации» [1. С. 476]. Другими словами, вопрос заключается не столько в анализе и очередной типологизации цивилизаций и даже границ между ними, сколько в исследовании дальнейших трансформаций цивилизационного сознания, факторов и условий его формирования и развития. На этом пути особое значение приобретает исследование роли и места исторических знаний, социальных мифологий и коллективной памяти в формировании «коллективного цивилизационного опыта», на что неоднократно указывалось в литературе [3–6]. Однако сами коллективные воспоминания как фактор формирования цивилизационного сознания и соответствующей формы самоидентификации также являются весьма неоднородными и зависят от особенностей социальных групп, акторов и общественно-политических проектов. В этой связи несомненный интерес представляют теоретические возможности транскультурного поворота *memory studies* [7–11], явно обозначившегося в 2010-е гг. и указавшего на принципиально иную исследовательскую перспективу в сравнении со ставшим традиционным изучением национальной памяти, а также памяти отдельных сообществ и групп. Транскультурный поворот с его фокусом на трансграничную динамику индивидуальных и коллективных образов памяти, культурный трансфер воспоминаний, может открывать интересные перспективы в дальнейшем изучении особенностей конструирования наднациональных форм общности и идентичности. Соответственно, целью данной статьи является теоретический анализ возможностей и границ транскультурного поворота *memory studies* для понимания стратегий формирования цивилизационного сознания.

Всякий, кто обращается к цивилизационной проблематике, должен учитывать основную линию дискуссий, проходящих между сторонниками конструктивистского и эссенциалистского подходов. Поскольку в отечественной литературе данные подходы, возможности и пределы их аргументации неоднократно и плодотворно анализировались [12–15], позволим себе лишь кратко обозначить их основные методологические векторы. Эссенциалистский подход рассматривает цивилизации как объективно существующие общности, которые можно зафиксировать на длительных пространственно-временных ареалах. Так, например, анализируя византийскую цивилизацию, известный российский историк К.В. Хвостова предложила следующее определение: «Цивилизация – это система детерминистских и корреляционных линейных и нелинейных обратных взаимосвязей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими проявлениями реальности в рамках широкого и длительного пространственно-временного ареала <...> Цивилизация отличается от государства характером взаимосвязей. В рамках цивилизации могут попеременно доминировать языковые, духовные, культурологические, равно как социально-политические, экономические и юридические, факторы» [16. С. 86]. С позиций конструктивизма цивилизации рассматриваются как воображаемые сообщества, создаваемые в процессе их конструирования акторами разного порядка в рамках актуальных для них общественно-политических, религиозных или культурных проектов [12, 13]. Совершенно очевидно, что обе теоретические позиции могут предполагать свои умеренные и радикальные варианты. Например, внутри конструктивистской линии исследований в нашей стране в последние годы были слышны как голоса радикальной конструктивистской трактовки цивилизации [12], так и попытки представить умеренную версию [13]. При этом подчеркивается, что «понимание цивилизации как воображаемого сообщества не противоречит эссенциалистскому подходу, а высвечивает особую сторону существования цивилизации как формы конструирования социальной идентичности» [13. С. 351].

Неудовлетворенность классическими трактовками цивилизации и цивилизационных подходом как таковым прослеживается и среди тех ученых, которые стремятся разделять умеренную версию эссенциалистского подхода. Показывая кризис цивилизационных представлений на рубеже XX–XXI вв., И.Н. Ионов подчеркивает, что и в российской и мировой практике «базовые цивилизационные идеалы усваиваются в упрощенной форме, подстраиваются под нужды местной самоидентификации <...> при этом цивилизационные представления позиционируются как догматическое, нормативное знание, а проблематизирующие и диалогические мотивы цивилизационных теорий затушевываются» [1. С. 493]. По мысли российского ученого, вопрос о современном понимании цивилизационных теорий должен учитывать тенденции релятивизации предпосылочного знания, рефлексии собственных познавательных установок, а также в первую очередь ориентироваться на идеалы плюрализма и диалога различных форм цивилизационного сознания даже внутри отдельно взятой страны. Шагом вперед в данном случае является точка зрения Я.Г. Шемякина, который подчеркивает, что вне зависимости от конструктивистской или эссенциалистской позиции исследователя «в центре всех разновидностей цивилизационного дискурса находится проблема соот-

ношения универсального и локального измерений человеческого бытия» [14. С. 37]. Следующим шагом на пути анализа цивилизационных представлений, по мысли Я.Г. Шемякина, является определение ценностных посылок, располагающихся между полюсами универсального и локального. Теоретическая позиция Я.Г. Шемякина фундирована его сравнительными исследованиями «пограничных» цивилизаций Латинской Америки, Европы и России, а полноценное «цивилизационное исследование – это не что иное, как диалог символических систем различных человеческих миров [14. С. 44].

Выход из лабиринта вопросов, стоящих перед цивилизационными исследованиями, работающими в эссенциалистском ключе, видится либо в переходе к логике тернарности (Г.С. Померанц, И.Н. Ионов) [1, 17], либо в идее триангуляции (Ю. Кавада) [18], которые являются попытками ухода от бинаристского мышления «Мы – Они». Речь идет о том, чтобы «релятивизировать и объективизировать нашу субъективность, ставя ее познавательные последствия под вопрос с других точек зрения <...> обозревая предмет с позиций вне- и внутринаходимости, сталкивая несколько познавательных продуктов разных цивилизационных самоидентификаций» [1. С. 471]. Еще одним способом является критический анализ самого языка цивилизационных исследований и переход от макроисторических интерпретаций концепта «цивилизация» к социологическим интерпретациям. Данный аспект в последние годы был реализован в работах Й. Арнасона [19], В.В. Козловского [20] и Р.Г. Браславского [21]. Отталкиваясь от работ М. Вебера, Н. Элиаса и Ш. Эйзенштадта, сторонники социологической программы цивилизационного анализа предлагают говорить о цивилизационном измерении человеческих обществ как о результате переплетения культурной онтологии и институциональных правил. Соответственно, соединение культурных моделей и структур власти позволяет им говорить о «цивилизационных паттернах (моделях)». Воплощением цивилизационных паттернов представители данной точки зрения видят «цивилизационные комплексы» – наиболее широкие пространственно-временные границы, охватывающие множественные сосуществующие или последовательные социетальные формации меньших масштабов [21. С. 14]. При этом особо подчеркивается, что «социологическая парадигма цивилизационного анализа разрушает сложившийся в метаисторической традиции сильный интегративистский образ цивилизаций, заменяя его «конфигурационным» с более слабыми и разнообразными связями между их компонентами <...> традиционные эссенциалистские версии цивилизационного подхода исходят из представления о существовании предзаданных всеобъемлющих цивилизационных формаций, которые, развиваясь автономно под влиянием эндогенных факторов, могут приходить во взаимодействие друг с другом <...> отличительной чертой социологической цивилизационной парадигмы является акцентирование роли межцивилизационных взаимодействий, несводимых к противоположным односторонним моделям „столкновения“ или „диалога“ цивилизаций» [21. С. 15–16]. Как видно из современных дискуссий, современные трактовки цивилизационного подхода явно отходят от классических трактовок последних как замкнутых и автономных миров и ориентируются на проницаемость границ и широкие возможности культурных взаимообменов и взаимовлияний. В нашем случае это оказывается важной предпосылкой для самой возможности использовать теоретическую

рамку транскультурного подхода применительно к цивилизационной проблематике.

Мы могли бы определить цивилизационное сознание как совокупность представлений о наднациональных общностях людей, выражаемых посредством научных, общественно-политических, культурных и религиозных идей, создающих возможность наднациональной идентификации в рамках актуального политического или культурного проекта цивилизации. При этом цивилизационная самоидентификация может идти как по линии идентификации с глобальным человечеством как воображаемой солидарности [22], так и по линии идентификации с той наднациональной общностью, по отношению к которой человек или группа людей конструируют свою принадлежность.

Следует согласиться с И.Н. Ионовым, который трактует цивилизационное сознание как цивилизационную форму исторического сознания, функции которой лежат в более широкой, чем научная, плоскости социальной идентификации, социально-политической интеграции, межкультурной коммуникации и решения общественных проблем [1. С. 477]. Не менее важно, что отечественный исследователь видит в цивилизационном сознании форму аксиологического сознания, ставя в центр цивилизационной идентификации выработку соответствующих ценностей. К этому следует добавить, что именно ценности выступают интегральным основанием исторического сознания, поскольку само историческое сознание является в первую очередь приданием значения (смысла) опыту изменений во времени (Й. Рюзен). Немецкий теоретик подчеркивает: «...интерпретация историческим сознанием – это процедура создания идентичности (как для индивидов, так и для групп). Идентичность является концептом собственной цельности в отношении как к другим, так и к себе самому. Эта цельность имеет синхронное и диахронное измерение. В синхронном измерении идентичность интегрирует различные отношения индивидуального и коллективного „Я“ к другим в единство, в котором конкретное „Я“ осознает себя. Оно рефлектирует внутреннее единство в различии его многообразных отношений к другим. В диахронном измерении эта саморефлексия относится к изменению себя и своих отношений к другим в ходе времени. В этом отношении идентичность является концептом непрерывности тождества самому себе при изменениях, которые вынуждены претерпеть каждый индивид или группа в течении их жизни» [23. С. 45]. Для немецкого исследователя идентичность – это не соединение, составленное из различных элементов в рамках единственной модели смысла и значения. Это метасоединение различных принадлежащих ему соединений. Оно является текучим, а не фиксированным, многообразным, а не унифицированным. Подход Й. Рюзена указывает на бесперспективность разговора о наличии неких устойчивых ценностей, под которые подбирается соответствующий репертуар воспоминаний. Более продуктивной является интерпретация ценностей как продукта трансформации образов коллективной памяти и исторического сознания, которые в определенный момент времени могут превращаться в какой-либо «канон» в рамках актуального политического или культурного проекта.

Формирование цивилизационного сознания не может не учитывать другие уровни исторической идентификации, связанные с национальными, культурными, религиозными общностями людей или политической их принад-

лежностью. Как показывает исследование И.Н. Ионова [1], движение к цивилизационным представлениям сопровождается «конфликтами интерпретаций» с другими уровнями исторической идентификации, в особенности заметными в эпохи кризисов исторического сознания. Нетрудно увидеть, что именно в таких кризисных точках возрастает роль образов прошлого других культур и общностей людей, когда чужой исторический опыт оказывается источником для подражания, уточнения или переоценки собственного прошлого. Более того, конструирование исторического сознания наднациональной общности без учета критической рефлексии о предпосылках новой конструкции идентичности может стать источником переноса конфликтов коллективной памяти культурных и этнических общностей, конфликтов между версиями национальной памяти на более «высокий» наднациональный уровень.

Если учитывать, что ключевым вопросом цивилизационного дискурса является проблема соотношения универсального и локального, то в идеале формирование цивилизационного сознания является движением к более широкому историческому смыслу, где осмысление универсальных аспектов человеческого бытия учитывает специфику локальных контекстов, не обедняя их значение. Это позволяет видеть собственный исторический опыт с позиции многосторонности и мультиперспективности. Однако на этом пути, как показывает подробный анализ И.Н. Ионова, мы можем наблюдать появление и развитие изоляционистских версий цивилизационного сознания, склонных к догматизму, элитизму и монологическому пониманию межкультурного взаимодействия. И здесь следует заметить, что процесс выработки более релятивистских и в итоге диалогических моделей цивилизационного сознания оказывается связан не только с прояснением собственной позиции, но и с самой циркуляцией образов прошлого в межкультурной среде, позволяющих делать прозрачными государственные, религиозные и культурные границы. В этом смысле востребованной продолжает оставаться идея Й. Рюзена о необходимости признания различий в логике порождения смысла времени, которое становится в дальнейшем «историческим». Сам Й. Рюзен имеет в виду логику порождения смысла времени в различных исторических культурах. Но даже в рамках одной из них, европейской, мы можем наблюдать конфликт различных способов конструирования исторического сознания в политике, *public history*, идеологии, экономике, религии, обыденной жизни и науке. Вариант ответа Й. Рюзена – соотнести сами критерии суждения относительно прошлого, не объединяя их в некую «принудительную конструкцию» [24. Р. 139]. Другими словами, различные ценностные ориентиры должны оставаться таковыми при условии их сравнимости в рамках универсальных критериев. Этими критериями, по Й. Рюзену, являются идея равенства и взаимного признания различий, ведь каждый из способов познания прошлого претендует именно на равенство и признание со стороны других. Тогда историческое сознание оказывается набором опытов применения различных ценностей к одной и той же исторической проблеме, что позволяет видеть прошлое многомерно по-разному обращаясь к нему в научных, политических, религиозных, правовых и других практиках исторической культуры. «Подойти к прошлому как опыту означает представить его не как сумму успехов или неудач, а как столкновение целей и задач, поставленных истори-

ческими акторами, с непредвиденными ими обстоятельствами и соответственно с неопределенным финалом <...> Так видеть прошлое возможно только тогда, когда стабильность настоящего поставлена под вопрос, а будущее мыслится неопределенным и многовариантным. Собственно говоря, это и есть ситуация разрыва. Идея альтернативности подразумевает, что среди возможных вариантов может повториться и прошлое, а значит, осмысление его как опыта приобретает значение и культурную ценность» [25. С. 190]. В такой ситуации уже сами исследования механизмов трансляции и динамики воспоминаний оказываются важным источником для дальнейшего развития теоретических представлений о цивилизационном измерении человеческих обществ. Шагом вперед в данном случае можно было бы считать транскультурный подход *memory studies*, обозначивший возможность новой исследовательской оптики.

Рост интереса к исследованиям памяти миграционных сообществ в 2010-е гг. вызвал не только увеличение числа исследовательских аспектов, но и способствовал расширению методологической оптики. Последнее нашло выражение в актуализации транскультурного поворота (*transcultural turn*), ориентированного на преодоление методологического национализма и рассматривающего коллективную память за пределами любых культурных и социальных границ. В таком случае память оказывалась подвижной, а ее элементы – способными перемещаться через границы и воспроизводиться в новых контекстах. Миграционные сообщества в таком случае уже оказываются одним из примеров подобной миграции памяти. Усилиями А. Эрлл, Л. Бонд, Р. Кроншоу, М. Ротберга, А. Ригни транскультурный поворот начал рассматриваться как исследовательская перспектива, как «фокус внимания, направленный на мнемонические процессы, происходящие в культурах и за их пределами» [7. Р. 12–13]. Однако явление миграций памяти на данный момент все еще не получило однозначной теоретической интерпретации, что хорошо видно в большом числе концептов, фиксирующих данные процессы: «путешествующая память» (*travelling memory*), «непривязанная память» (*memory unbound*), «транскультурная память» (*transcultural memory*), «память в движении» (*memory on the move*). Также следует добавить, что понятие «транскультурная память» связано с такими понятиями, как «коннективная память» (*connective memory*), «транснациональная память» (*transnational memory*), «разнонаправленная память» (*multidirectional memory*), каждое из которых имеет свой сложившийся теоретический бэкграунд и методологическую оптику [26].

Намечая теоретические подходы к изучению понятия «путешествующая память», А. Эрлл указывает на необходимость подробного анализа носителей, медиа, содержания, практик и форм, оказывающих влияние на специфику миграций памяти. Отмечается: «...транскультурная память относится не только к (1) таким осознанным и продуктивным *связям воспоминаний*, которые раньше считались отдельными и принадлежали разным группам; в более общем плане ее можно представить как (2) перемещение *мнемонических архивов* через пространственные, временные и социальные, но также лингвистические и медийные границы, а также (3) *смешение воспоминаний* в контекстах высокой культурной сложности» [8. Р. 178]. Подводя итоги более чем десятилетней эволюции данного концепта, Астрид Эрлл подчеркивает, что

данное понятие не есть особая рамка памяти. Оно является исследовательской перспективой [27. Р. 5], позволяющей совершить переход от анализа воспоминаний, присущих исключительно какой-либо одной культуре как «контейнеру смыслов», к самим процессам пересечения границ, что является более широким методологическим взглядом, чем, например, тема межкультурного взаимодействия. В этой связи введение в научный оборот данного концепта является еще одной вехой в стремлении анализировать «культуру как непрерывный процесс взаимоотношений и трансформации. Большинство подобных терминов возникло в результате исследований колониализма и его последствий, и, следовательно, они несут в себе понимание того, что транскультурные процессы зачастую асимметричны и конфликтны, а также чреваты политическими, экономическими и этическими вопросами» [27. Р. 8]. Пытаясь поставить вопрос о transcultural memory studies как третьем этапе memory studies, она дает нам три наиболее перспективных направления для дальнейшего исследования: переосмысление архива (понимание архива и репертуара коллективных воспоминаний как сети международного обмена, в особенности связанного с влиянием цифровых технологий), фокус на мемориальном активизме (что показывает роль коллективного действия в производстве и трансформации публичных воспоминаний), фокус на «вовлеченном субъекте» (акцент на людей или группы в истории, которые, выходя за пределы дихотомии «преступник – жертва», могут оказываться «вовлеченными» в практики воспроизводства несправедливости, игнорируя, например, расистские памятники или бездумно повторяя культурные клише и штампы) [27. Р. 12].

Нетрудно заметить, что транскультурный поворот является развитием теоретических идей глобальной истории, ставшей заметным историографическим направлением во второй половине 1990-х гг. и продолжающей активно развиваться в наши дни [28]. Подчеркивая специфику глобальной истории как нового научного направления, С. Конрад отмечает, что «глобальная история занимается прежде всего мобильностью и обменом, процессами, преодолевающими разграничения и границы. Взаимосвязанный мир для нее – отправная точка, а главные ее темы – обращение и обмен вещей, людей, идей и институций» [29. С. 22]. Важным теоретическим шагом в этой связи стало введение С. Конрадом в научный оборот концепта «entangled memory» (сплетенная память) [30], который указывает на гетерогенный, динамический характер актов воспоминания и их полифонизм. Для самого Конрада данный термин означал смену перспективы, когда национальная память оказывалась продуктом интернациональных влияний и диалога. При этом «сплетенная память» еще не означает «разделяемой» / «общей» истории (shared history), что открывало более значительное пространство для маневра в контексте описания различных форм и способов трансфера воспоминаний. Возможность использования данного концепта фундирована сложностью взаимодействия различных паттернов интерпретации исторических событий в синхронической и диахронической перспективах [31. Р. 34]. Зарубежные исследователи подчеркивают: «...суммируя двойственность памяти как плюралистической и динамичной, единичные акты воспоминания могут быть поняты как сплетенные. Концепт сопряженной памяти отсылает к подлинной сплетенности интерпретаций и акторов <...> это понимание призывает к ана-

лизу выявленных сплетений, принимая во внимание множественные перспективы, асимметрии и перекрестные мнемонические практики» [31. Р. 35].

Оставляя в стороне критику транскультурной памяти, равно как и транснациональной памяти как теоретических понятий [26], постараемся проанализировать основные стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте того понимания динамики коллективных воспоминаний, которое дает транскультурный поворот как исследовательская оптика. Нашей отправной точкой в данном случае будет идея И.Н. Ионова о необходимости дифференцированного отношения к цивилизационным представлениям для оценки их эффективности. В одной из своих статей он предложил говорить о идентификационной, коммуникативной и когнитивной составляющих цивилизационных представлений, что позволяло получить более гибкую рамку для сравнительного анализа, а также избежать подчеркнутой идеологизации и некритического использования цивилизационного дискурса [32]. Также важно отметить, что данные составляющие цивилизационных представлений рассматривались им как конфликтующие друг с другом. На наш взгляд, выделенные им составляющие цивилизационных представлений могут в свою очередь выступать объектами для соответствующих стратегий формирования цивилизационного сознания.

Важнейшей целью идентификационной стратегии формирования цивилизационного сознания является идентификация человека с крупной общностью посредством принятия ключевых ценностных доминант в религиозной, культурной или политической формах. Основным механизмом в данном случае оказывается историческое воображение, порождающее, как правило, запрос на утопические образы своей общности, архаизацию корней цивилизации, а также подчеркнутое дистанцирование от других, воспринимаемых в качестве врагов. И.Н. Ионов подчеркивает: «Иррациональное и утопическое содержание изначально входят в основу цивилизационных идей <...> Утопия как след идентификационной составляющей не просто „встроена“ в любой вариант теории цивилизаций, она играет доминирующую, структурообразующую роль, определяет и фиксирует его ценностное содержание» [32. С. 84–85]. В этой связи использование методологической оптики транскультурного подхода позволяет увидеть идентификационную стратегию как более сложный процесс, где историческая самоидентификация даже в условиях изоляционистских проектов вынуждена опираться на образы прошлого из других культур, заимствуя их для более детального позиционирования собственных ценностей. В таком случае требования в духе «врага надо знать в лицо» неминуемо порождают потребность в обращении к образам памяти, сформированным в других культурных контекстах, с которыми все равно приходится считаться. Даже в таком случае мы видим очевидное расширение репертуара воспоминаний, что явно указывает на подвижность мнемонических архивов. Ярким примером в случае российской истории является идеологема «Москва – Третий Рим», когда мифологизированный образ заимствуется из иной культурной среды и переносится на новое воображаемое пространство. Роль оптики транскультурного поворота также оказывается заметной и в случае мемориального активизма, когда формирование тех или иных цивилизационных представлений испытывает влияние или даже инициируется инокультурными акторами. В особенности это может быть связано с

деятельностью отдельных исторических личностей, оказавшихся за пределами своей страны и внесших большой вклад в развитие культурных и цивилизационных представлений своей «новой» Родины. Более значимым является трансграничное движение мнемонического архива в тех случаях, когда образы прошлого других культур сами оказываются источником самоидентификации.

В таком случае образ другой культуры или цивилизации нередко романтизируется и рассматривается как цель собственного исторического развития. Данный аспект некритического использования образов прошлого других общностей можно без труда встретить в истории общественно-политических и культурных идей Индии, Китая, России и Латинской Америки [1, 14].

Еще одной стратегией формирования цивилизационного сознания является коммуникативная стратегия, в круг задач которой входит как консолидация представителей собственной общности путем преодоления конфликтов памяти между ними, так и соотнесения себя с представителями других культур под влиянием природных катастроф, климатических изменений, исторических кризисов. Подчеркивая доминирующую роль диалогических мотивов коммуникативной составляющей, И.Н. Ионов отмечает: «...ключевым для развития коммуникативной компоненты цивилизационных представлений было появление образа Иного как ценности и попытки выявить претензии других народов к собственной цивилизации» [32. С. 102]. Российский исследователь подчеркивает, что в данном случае ключевое место отводится метафорам [32. С. 94], выступающим своеобразными мостами во взаимовлиянии культур. В таком случае влияние миграции мнемонических архивов оказывается не только тем дополнительным репертуаром воспоминаний, на основе которого формируется образ Иного, но оказывается источником критической переоценки собственного исторического опыта. Это усиливает, в свою очередь, универсалистские мотивы в цивилизационном сознании, где конструирование наднационального сообщества учитывает ее отражение в других культурах. Еще большее значение в рамках данной стратегии приобретает явление мемориального активизма, когда социальные группы или отдельные личности начинают играть роль посредников в транскультурном обмене. Более того, в сравнении с идентификационной стратегией роль мемориального активизма в рамках коммуникативной стратегии выходит на передний план, поскольку для коммуникации с Иным важно не столько содержание чужих воспоминаний, сколько сам акт коммуникации.

Фактор транскультурных воспоминаний оказывается еще более значимым в рамках когнитивной стратегии формирования цивилизационного сознания, что связано с тем, что «познавательные задачи цивилизационных представлений, как и других философско-исторических и историко-социологических схем, как правило, сводятся к созданию образа региональной или глобальной истории, не входящего в конфликт с профессиональным историческим знанием, логически непротиворечивого и соответствующего возможностям человеческого восприятия <...> тем самым становится возможным переход от аподиктических идентификационных моделей к проблематизируемым, более дробным – когнитивным» [32. С. 107]. В данном случае роль транскультурных воспоминаний оказывается такой же важной, как и в случае коммуникативной стратегии. Однако при этом меняется их функция.

Из репертуара образов прошлого как источника для диалога мнемонический архив превращается в объект познания и исторический источник. Соответственно функция мемориального активизма также трансформируется, где акторы транскультурных воспоминаний оказываются способными запускать международные дискуссии относительно сильных и слабых сторон формирующегося цивилизационного сознания.

Важным аспектом, на который следует обращать внимание при использовании транскультурного поворота как методологической оптики, является понимание границ применимости его теоретических идей. Большинство исследователей, обращающихся к транскультурному повороту *memory studies* за рубежом и в нашей стране, отмечают незавершенность процесса формирования его методологической оптики [10, 11, 26, 27]. Однако даже имеющийся массив исследований позволяет утверждать, что абсолютизация роли транскультурных воспоминаний может нести известные трудности для понимания идентификационной и коммуникационной стратегий формирования цивилизационного сознания. Это связано с тем, что сами транскультурные воспоминания и как нарративы, и как коммеморативные практики при всей их динамичности и возможностях проникновения сквозь границы все равно оказываются «вырванными» из культурной среды их возникновения. Естественно также предположить, что в процессе трансфера какая-то часть культурной информации может быть потеряна, перенесена некритически или, наоборот, использоваться в целях манипуляции и политического влияния. В свою очередь, адаптация мигрирующих мемориальных архивов в новом культурном контексте также не происходит нейтрально, что заставляет принимать во внимание особенности культуры-реципиента. Например, в России адаптация западных цивилизационных идей, как показывают исследования [1, 4, 6], происходила далеко не беспроблемно и в итоге привела к появлению существенных барьеров дальнейшего формирования диалогической версии цивилизационного сознания. Сходная ситуация наблюдается и в случае с темой мемориального активизма, поскольку в разных политических или культурных условиях мемориальные активисты могут иметь большее или меньшее значение. Яркий пример находим в той принципиальной реакции, которая возникла в нескольких англоговорящих странах в связи с распространением коммеморативных практик общественного движения *Black Lives Matter*, когда активисты движения, пытаясь трансформировать мемориальную повестку в Великобритании, США, Канаде и Австралии, оказывались в различных ситуациях более или менее инклюзивной нации и политики памяти [33, 34].

Таким образом, современное развитие цивилизационной проблематики стремительно уходит от образов замкнутых, автономных и самодостаточных наднациональных общностей, а также попыток их строгой типологизации и переходит к анализу цивилизационных и других форм коллективной самоидентификации. На этом пути важной вехой становится критический анализ самого языка цивилизационных исследований и переход от макроисторических интерпретаций концепта «цивилизация» к социологическим интерпретациям, ориентированным на проницаемость границ и широкие возможности культурных взаимодействий и взаимовлияний в процессе формирования цивилизационного сознания. Не менее важным в этой связи видится переход к логике тернарности, которая является попыткой ухода от бинаристского

мышления «Мы – Они». Конструирование современных наднациональных общностей по-прежнему опирается на коллективную память и образы истории. Однако функция коллективных воспоминаний изменяется. На место коллективных воспоминаний как средства конструирования контейнерной модели общества приходит осознание роли памяти как важного участника транскультурного и транснационального диалога и взаимобмена смыслами. В этой связи трансформация *memory studies* и рост интереса к трансграничной динамике коллективной памяти могут стать важным драйвером дальнейшего развития цивилизационных исследований. Проведенное исследование показало, что методологическая оптика транскультурного поворота *memory studies* позволяет увидеть важную роль транскультурных воспоминаний в идентификационной, коммуникативной и когнитивной стратегиях формирования цивилизационного сознания. Было выявлено, что историческая самоидентификация даже в условиях изоляционистских проектов вынуждена опираться на образы прошлого из других культур, заимствуя их для более детального позиционирования собственных ценностей. Более значимым является трансграничное движение мнемонического архива в тех случаях, когда образы прошлого других культур сами оказываются источником самоидентификации. В коммуникативной стратегии влияние миграции мнемонических архивов оказывается не только дополнительным репертуаром воспоминаний, на основе которого формируется образ Иного, но и оказывается источником критической переоценки собственного исторического опыта. В сравнении с идентификационной стратегией, роль мемориального активизма в рамках коммуникативной стратегии выходит на передний план, поскольку для коммуникации с Иным важно не столько содержание чужих воспоминаний, сколько сам акт коммуникации. В случае когнитивной стратегии трансграничный мнемонический архив превращается в объект познания и исторический источник, а акторы транскультурных воспоминаний оказываются способными запускать международные дискуссии относительно сильных и слабых сторон формирующегося цивилизационного сознания. Несмотря на выявленные недостатки методологии транскультурного поворота, он явно указывает на необходимость дальнейшей актуализации элементов глобального и универсального в развитии современных цивилизационных представлений и форм цивилизационной самоидентификации.

Список источников

1. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М. : Наука, 2007. 499 с.
2. Ионов И.Н. Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 58–84.
3. Воробьева О.В. История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив. Вместо предисловия // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 58–84.
4. Рашковский Е.Б. На оси времен: Очерки по философии истории. М. : Прогресс-Традиция, 1999. 208 с.
5. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М. : Канон+ : РОИИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
6. Ионов И.Н. Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 5–21.
7. Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.

8. Erll A. Transcultural Memory // *Témoigner. Entre histoire et mémoire*. 2014. № 119. P. 178.
9. Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / eds. De Cesari C., A. Rigney. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. 384 p.
10. Radstone S. What Place Is This? Transcultural Memory and the Locations of Memory Studies // *Parallax*. 2011. № 17 (4). P. 109–123.
11. *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders* / ed. by L. Bond, J. Rapson. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. 286 p.
12. Летняков Д.Э. Цивилизации как воображаемые сообщества. К конструктивистской критике цивилизационной теории // *Личность. Культура. Общество*. 2021. Т. XXIII, вып. 3 (№ 111). С. 57–69.
13. Ильин В.И. Локальная цивилизация как воображаемое сообщество // *Цивилизационное многообразие современного мира* / Й. Арнасон, Р.Г. Браславский, Ю.В. Веселов [и др.]; отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов ; ФНИСЦ РАН. М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 348–367.
14. Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // *Цивилизации*. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 27–58.
15. Николаева И.Ю. Концепт цивилизации и исследовательская практика // *Цивилизации*. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С.96–121.
16. Хвостова К.В. Механизм воспроизводства цивилизаций во времени (на примере Византийской цивилизации) // *Цивилизации*. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика. М. : Наука, 2014. С. 484–496.
17. Померанц Г.С. Выход из транса. М. : Юрист, 1995. 575 с.
18. Kawada J. Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through “Dialogues” // *UN University International Conference on the Dialogue of Civilizations*. Kyoto, 2001.
19. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М. : НЛО, 2021. 304 с.
20. Козловский В.В. Идентичность в структуре цивилизационного потенциала российского региона // *Цивилизационный потенциал российского региона: люди и перемены : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф.* Калининград, 2024. С. 15–33.
21. Браславский Р.Г. Введение. Социологическая программа цивилизационного анализа // *Цивилизационное многообразие современного мира* / Й. Арнасон, Р.Г. Браславский, Ю.В. Веселов [и др.]; отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов ; ФНИСЦ РАН. М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 11–26.
22. Синкевич О.Б. Цивилизационная идентичность и цивилизационное сознание // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*. Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2014. № 3 (183). С. 83–88.
23. Рюзен Й. Кризис травма и идентичность // *Цепь времен: проблемы исторического сознания*. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
24. Rüsen J. Criteria of Historical Judgement // *Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective (Leiden Series in Comparative Historiography)*. Leiden : Brill, 2009. P. 133–141.
25. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
26. Павловский А.Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в memory studies? // *Полития*. 2023. № 2 (109). С. 166–194.
27. Erll A. Transculturality and the Eco-Logic of Memory // *Memory Studies Review*. 2024. P. 1–19.
28. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М. : Аквилон, 2015. 464 с.
29. Конрад С. Что такое глобальная история? М. : Нов. лит. обозрение, 2018. 312 с.
30. Conrad S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. Jan., 2003. Vol. 38, № 1, Redesigning the Past. P. 85–99
31. Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimsev R. Entangled memory: Toward a third wave in memory studies // *History and Theory*. 2014. № 53(1). P. 179–197.
32. Ионов И.Н. Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // *История и современность*. 2007. № 2. Сентябрь. С. 79–121.

33. Линченко А.А. Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 1. С. 225–243.

34. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Крушение гегемониальной нормальности: миграция и политика памяти в США, Великобритании и Франции // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 60–74.

References

1. Ionov, I.N. (2007) *Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeystviya* [Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction]. Moscow: Nauka.

2. Ionov, I.N. (2014) Ideal tsivilizatsii, ego emotsional'naya okrashennost' i perekrestnaya istoriya [The Ideal of Civilization, Its Emotional Coloration, and Cross-History]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 58–84.

3. Vorobieva, O.V. (2014) Istoriya i teoriya tsivilizatsiy: v poiskakh novykh perspektiv. Vmesto predisloviya [History and Theory of Civilizations: In Search of New Perspectives. Instead of a Foreword]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 58–84.

4. Rashkovskiy, E.B. (1999) *Na osi vremen: Ocherki po filosofii istorii* [On the Axis of Time: Essays on the Philosophy of History]. Moscow: Progress-Traditsiya.

5. Iggers, G. & Wang, E. (2012) *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [Global History of Modern Historiography]. Translated from English. Moscow: Kanon+, ROII Reabilitatsiya.

6. Ionov, I.N. (2010) Krizis istoricheskogo soznaniya i logiko-lingvisticheskie zigzagi tsivilizatsionnykh kontseptsii [The Crisis of Historical Consciousness and the Logical-Linguistic Zigzags of Civilizational Concepts]. *Dialog so vremenem*. 33. pp.5–21.

7. Erll, A. (2011) Travelling Memory. *Parallax*. 17(4). pp. 4–18.

8. Erll, A. (2014) Transcultural Memory. *Témoigner. Ente histoire et mémoire*. 119. p. 178.

9. De Cesari, C. & Rigney, A. (eds) (2014) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin; Boston: De Gruyter.

10. Radstone, S. (2011) What Place Is This? Transcultural Memory and the Locations of Memory Studies. *Parallax*. 17(4). pp. 109–123.

11. Bond, L. & Rapson, J. (2014) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin; Boston: De Gruyter.

12. Letnyakov, D.E. (2021) Tsivilizatsii kak voobrazhaemye soobshchestva. K konstruktivistskoy kritike tsivilizatsionnoy teorii [Civilizations as Imagined Communities: Toward a Constructivist Critique of Civilizational Theory]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. XXIII(3/№ 111). pp. 57–69.

13. Ilin, V.I. (2024) Lokal'naya tsivilizatsiya kak voobrazhaemoe soobshchestvo [Local Civilization as an Imagined Community]. In: Braslavskiy, R.G. & Malinov, A.V. (eds) *Tsivilizatsionnoe mnogoobrazie sovremennogo mira* [Civilizational Diversity of the Modern World]. Moscow; St. Petersburg: RAS. pp. 348–367.

14. Shemyakin, Ya.G. (2014) K voprosu o metodologii tsivilizatsionnykh issledovaniy [On the Methodology of Civilizational Studies]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 27–58.

15. Nikolaeva, I.Yu. (2014) Kontsept tsivilizatsii i issledovatel'skaya praktika [The Concept of Civilization and Research Practice]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 96–121.

16. Khvostova, K.V. (2014) Mekhanizm vosproizvodstva tsivilizatsiy vo vremeni (na primere Vizantiyskoy tsivilizatsii) [The Mechanism of Civilizational Reproduction Over Time (The Case of Byzantine Civilization)]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 484–496.

17. Pomerants, G.S. (1995) *Vykhod iz transa* [Exit from the Trance]. Moscow: Yurist.

18. Kawada, J. (2001) Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through “Dialogues.” *UN University International Conference on the Dialogue of Civilizations*. Kyoto.
19. Arnason, Y. (2021) *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: NLO.
20. Kozlovskiy, V.V. (2024) Identichnost' v strukture tsivilizatsionnogo potentsiala rossiyskogo regiona [Identity in the Structure of the Civilizational Potential of a Russian Region]. *Tsivilizatsionnyy potencial rossiyskogo regiona: lyudi i peremeny* [Civilizational Potential of the Russian Region: People and Changes]. Proc. of the 4th Conference. Kaliningrad. pp. 15–33.
21. Braslavskiy, R.G. (2024) Vvedenie. Sotsiologicheskaya programma tsivilizatsionnogo analiza [Introduction. The Sociological Program of Civilizational Analysis]. In: Braslavskiy, R.G. & Malinov, A.V. (eds) *Tsivilizatsionnoe mnogoobrazie sovremennogo mira* [Civilizational Diversity of the Modern World]. Moscow; St. Petersburg: RAS. pp. 11–26.
22. Sinkevich, O.B. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' i tsivilizatsionnoe soznanie [Civilizational Identity and Civilizational Consciousness]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1: Istoriya i arkhologiya. Filosofiya. Politologiya*. 3(183). pp. 83–88.
23. Rüsen, J. (2005) Krizis travma i identichnost' [Crisis, Trauma, and Identity]. In: *Tsep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya* [The Chain of Times: Problems of Historical Consciousness]. Moscow: RAS. pp. 38–62.
24. Rüsen, J. (2009) Criteria of Historical Judgement// His. In: Schmidt-Glintzer, H., Mittag., A. & Rüsen, J. (eds) *Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective*. Leiden: Brill. pp. 133–141.
25. Syrov, V.N. (2013) V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemysya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya [What Kind of Historical Consciousness Do We Need? On the Methodology of Approach and Practical Application]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of Philosophy*. 1(21). pp. 183–190.
26. Pavlovskiy, A.F. (2023) V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povорот v memory studies? [In Search of Global Memory: Where Does the Transnational Turn in Memory Studies Lead?]. *Politiya*. 2(109). pp.166–194.
27. Erll, A. (2024) Transculturality and the Eco-Logic of Memory. *Memory Studies Review*. 8th August. pp. 1–19.
28. Ionov, I.N. (2015) *Mirovaya istoriya v global'nyy vek: Novoe istoricheskoe soznanie* [World History in the Global Age: New Historical Consciousness]. Moscow: Akvilon.
29. Conrad, S. (2018) *Chto takoe global'naya istoriya?* [What Is Global History?]. Translated from English. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
30. Conrad, S. (2003) Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*. 38(1). pp. 85–99
31. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F. & Trimsev, R. (2014) Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*. 53(1). pp. 179–197.
32. Ionov, I.N. (2007) Identifikatsionnaya, kommunikativnaya i kognitivnaya sostavlyayushchie tsivilizatsionnykh predstavleniy [The Identificational, Communicative, and Cognitive Components of Civilizational Representations]. *Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 79–121.
33. Linchenko, A.A. (2024) Formy istoricheskogo zabveniya i figury umolchaniya v kommemorativnykh praktikakh dvizheniya Black Lives Matter: sravnitel'nyy analiz mediadiskursov v anglo-yazychnykh stranakh [Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in the Commemorative Practices of the Black Lives Matter Movement: A Comparative Analysis of Media Discourses in English-Speaking Countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 1. pp. 225–243.
34. Malakhov, V.S. & Letnyakov, D.E. (2023) Krushenie gegemonial'noy normal'nosti: migratsiya i politika pamyati v SShA, Velikobritanii i Frantsii [The Collapse of Hegemonic Normality: Migration and Memory Politics in the USA, Great Britain, and France]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 60–74.

Сведения об авторе:

Линченко А.А. – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал Финуниверситета); Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия). E-mail: linchenko1@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Linchenko A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, scientific researcher, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); scientific researcher, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: linchenko1@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*